

Т50
05
Т50

№ 1-й.

ТОБОЛЬСКИЙ К Р А Й

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ.

 Март 1926 г.

Издание Тобольской Окружной Плановой Комиссии,
Окружного Комитета Севера и О-ва Изучения Края.
г. Тобольск.

какой-либо местности и ее хозяйства и смежного с ней края может иметь свои особенности и уклоны, часто играющие решающее значение в деле их истребления»¹¹⁾.

Заключившая, считаю нужным указать, что пока образ жизни того или иного вредителя в Тобольском округе не будет изучен с достаточной полнотой и достоверностью, трудно установить какую-либо закономерность в сфере особенностей его распространения. Еще более серьезными последствиями подобная неизученность отзовется на организации мер борьбы и других практических начинаний.

Р. МИТУСОВА.

Медвежий праздник у аганских остяков Сургутского р., Тобольского округа*).

(Из путевого дневника).

20 сентября 1924 г. «Маут-яун-пугол», р. Аган. Приезжают остяки из верхних юрт, направляются в Сургут, все уже знакомы мне, и я с удовольствием их встречаю. В Сургут едут лишь шесть остяков во главе с Александром Сартаковым, остальные приехали на сход. Пока я завтракала «подоушкой» — «сорт-гхуль-тартом» — жареной у огня на палочке свежей щукой, все время под'езжали остяки в своих легких кедровых и осиновых «ай-рыт»-обласках. Все они приветливо здоровались со мной.

Услышав звук бубна, я пошла в юрту (здесь всего четыре юрты). Оказывается, перед сходом Иван Динни, из соседних юрт, шаманил. Впервые я видела камлание днем. Оно отличалось от прежних только тем, что Иван не ел традиционных мухоморов и поэтому был в меньшем экстазе и чаще перебрасывался короткими фразами с присутствующими стариками. После камлания, вытирая пот с лица, он дружески кивал мне и говорил: «Рут-ими им, им» (русская баба хорошая). Затем меня пригласили на сход. На сходе вновь жаловались на грубость и злоупотребления русских рыболовов на Оби, особенно в Локусовом (русская деревня на Оби), куда они возили «ясак»; просили прислать из «Москвы» кремней для ружей, огнива и т. п., а главное — просили поддержать их ходатайство о переводе их для платы налогов и обменной торговли в Сургут, что и удалось впоследствии сделать. По окончании схода, очень

¹¹⁾ Из «отчета Тульской Энтомологической Станции за 1912 год». Цитировано по А. О. Фабриканту (А. О. Фабрикант. Организация дела защиты растений. Издание Народного Комиссариата Земледелия. Москва. 1919 г. стр. 19).

*) Статья принадлежит перу этнографа Р. П. Митусовой, проведшей в конце 1924 и начале 1925 г. этнографические и следованные над туземцами Тобольского Севера. См. журнал «Наш Край», № 4 (5, — 25 г., стр. 35—36).

утомившего нас всех, так как по-русски говорили только двое остяков и то очень плохо, а я только что научилась понимать их и немного говорить по-остяцки, во время чая (кирпичного) с «чомохом» (конченые и подсушенные язи) и «пут-пета-нинь» (горячие, довольно вкусные, пресные ишевичные лепешки, вареные в рыбьем жиру в котле), прибежали два остяка-подростка. Оказывается, в кедровнике на сторожевой лук попал медвежонок и убит. «Нуе-котль, нуе котль, ментль, рут-ими, ментль, Нуе арых, аре нуе арых» (медвежий праздник, едем, едем. Медвежья песня, много медвежьих песен),—обступили меня обрадованные остяки...

3 сентября. «Нур-яун-пугол». Вечер. Приехали сюда поздно. Ехали очень весело. Было жарко, и мы все сидели на крыше «каюка»—«ентль-рыт» (большая крытая лодка). Остяки пели песни, некоторые по-самоедски...

Юрта Семенко—обычный четырехугольный сосновый сруб, без окон, с дымовым отверстием по середине крыши, с чувалом направо от входа, у боковой стены. На стене, против входа икона Николая угодника, шаманский бубен и белая белка, «для счастья» в охоте. На парах, под иконой, на соломе (из злака *calamagrostis*) положена шкура медвежонок-самки с отрезанными, по положенным на свои места головой и лапами. Впечатление цельной шкуры. По бокам медведя сделаны как-бы стенки на 3-х с одной и 4-х с другой стороны драпок, воткнутых в щели нар и перелетенных двумя драпками. С правой стороны медведя (он обращен мордой к входу) прикреплен маленький сухой кедр, и привязан колокольчик. Перед мордой медведя вставлено в щель нар деревянное изображение наконечника стрелы «посе-уах», которой медведь был убит, затем состоящее из деревянного квадратика изображение очага «аун-теп» и род деревянного молоточка «пот-тчин». Рядом поставлены три куженки из бересты с запасом пищи для медведя—«чомох»—и хлеб. Сбоку у морды—деревянный гребешок «куичин». На земле у нар (пола нет) лежат палки, семь штук,—«ссоу-юх». Сам медведь одет женщиной: поверх шкуры брошено женское платье—«сак», украшенное бисером, на голове платок, бисерные цепочки, сережки на лапах, медные кольца на когтях. Вместо глаз две медных пуговицы с орлами. Каждая из присутствующих женщины что-либо одела на мишку. По левую сторону от входа на пары сели женщины, дальше везде расположились мужчины, я поместилась у чувала, на чурбане. Затем старик Петр подходит, звонит в колокольчик и поет песню—будит медведя. Медведь просыпается. Ему поднимают платок так, что видны глаза и украшения на голове. Петр машет «деревянным молоточком» в «аун-теп» и поет, что собираться наш народ, много гостей будет. Слегка причесывает медведя, не задевая украшений, и здоровается с ним, целуя голову и лапы. Все присутствующие подходят и также целуют медведя, даже дети. Я преподнесла ему махорки и спичек. Входит с ковшиком молодой остяк и брызгает во все стороны водой: «Ах, ши, ши», затем—«чох»—неожиданно обливает одного из остяков; тот вскакивает, и начинается борьба. Общий шум, смех; нец, принесший воду побеждает, и, обнявшись, оба усаживаются на пары, еле дыша от усталости и смеха.

1. Вбегает, тапцую и подпрыгивая, старик Иван, в берестяной маске с длинным носом—«тунсах-уанч», сдвинутой на затылок, лицо открыто.

Берет две палки «ссоу-юх». «Печа, печа» (здравствуйте). «Печа не-праздник), ствечает ему Петр. Иван становится в позу и начинает петь, ся на землю, одну палку вставляет между ног—носе лодки, другой гребет,

как веслом, стреляет уток—«вассых», везет продавать их в Сургут, получает деньги, возвращается домой и роздает их направо и налево. Кончат песнь: «первую песнь в этот день пронел я, все слышали».

2. Также в маске вбегает другой остяк, повторяется первый диалог. Остяк поет, как он делает нарты, ложится спать, встает, варит похлебку, ест, идет на «Материк» в лес искать деревьев для нарт. Промышляет, приезжает домой.

3. Остяк поет, как делает облас, затем в обласе идет торговать пушвиной. Холодно, осень. Одевает рукавицы—«нос». Другой остяк встает с нар и изображает купца «снизу». Купец угощает его водкой, остяк хвалит: «им, им» (хорошо). Продает пушвины, прощается и снова садится в облас (на землю), едет обратно. Часть денег роздает бедным, все рады и прыгают.

4. Остяк поет, что в речках нет рыбы, жалуется медведю, что «чужие»—русские—рыбу прогнали, бедным остякам нечего есть. Заклинает, молится: «у русских где сети порвались, где морды ветер снес», и снова во всех реках появилась рыба для «канто-мыр»—остяцкого народа. Общее веселье.

5. Вбегает, крадучись, остяк. Когда на обычный вопрос отвечают, что это медвежий праздник, он прыгает и от страха пятится назад. Диалог. Остяки отвечают с мест; игра слов, повидимому, и все хохочут. Несколько раз подходит к медведю и снова пятится от страха назад, под конец угощает медведя рыбой и поет.

6. Затем Петр, тоже в маске (все участвующие одевают маски, оставляя лицо открытым), изображает пьяного остяка, садится на пол, корчится от боли в желудке, ругается... Общий хохот, шум, вскакивание с мест. Прыгают и вытаскивают Петра из юрты.

7. Снова Петр. Одевается женшиной (без маски). Присутствующие женщины со смехом ему помогают. Петр танцует, затем пьет водку, ругается по-остяцки и по-русски, все хохочут. «Баба» будто бы сильнее пьянеет. Диалог с мужчинами, хохот. Наконец, «баба», шатаясь, подходит к одному, дергает его, тот отбивается; другой—молодой остяк Галaktion—прыгает около «бабы», та выбрасывается на него, и оба валятся на пол... Смех мужчин, хихиканье женщин.

Небольшой перерыв, приехавших со мной остяков угощают медвежьим мясом. Мне не предлагали, и женщины не ели. Мясо уже несколько испортилось, вследствие теплой погоды в последние дни. Подбрасывают дров в чумал и при ярком свете огня.

8. вбегает Григорий и поет песнь. Какой-то праздник. Угощение. Изображает, как убивает оленя: душил веревкой и режет ножом; к нему присоединяются другие остяки...

9. Песнь о старом времени: как торговали с самоедами—«яран-мыр». Хорошо было. «Канто-мыр» (остяки) возили рыбу и белку самоедам, а у них брали оленей. «Ой хорошо было».

10. Поет старик-остяк и изображает, как перевесами ловят уток. (Примечание: на Агане перевесами уток совсем не ловят, этим занимаются русские и остяки на Оби). Уток много. Смотрит: «кеур»—худая утка пошла с длинным носом: «тьфу, атом» (плохая). Еще раз так же. «Т-ррр... о, им, им, вассых, мусть вассых» (хорошие утки, хороший сорт).

11. Поет, что хочет жениться, бабу брать надо: «рау-ураух».

12. Поет, как бабу искать. Изображают несколько человек. Один в роде свата, двое других—остяк-старик с молодым, одетым девушкой. Жених и говорит—поет своему свату: «Скажи девушке, приехал жених»

хорош, промышляет много, да только седой, шибко старый, так стар, что и ходить не может». Смех. Несколько шуточных, повидимому, фраз о качестве жениха. «Девушка» машет руками и кричит: «ентем, ентем» (не надо, не надо). «Скажи девушке, жених всем хорош: и молод, и богат, да... спать с бабой не может». Общий хохот. «Сват» и говорит: «убрайся, девке не надо»...

13. Плохо понятая мною сцена: едут двое, третий изображает оленя, самый задний поет песню о своей любви: «жепиться надо», и неожиданно орет во все горло: сидящий перед ним кричит на него: «кш, кш, бабу пугаешь», и так несколько раз.

14. Двое: остяк ведет подростка (без маски), изображающего годовалого оленя—«мок». Подводит к старику, сидящему на нарах и говорит: «Я привел молодого оленя, убивать его надо».—«Мы тебе дадим рыбы и белки за него».—«Нет, мне не надо рыбы и белку, мне нужна баба («ими»)».—«Ну, мы бога спросим».—«Нет, я уж сам бога спрашивал».—«Еще помолимся». Убивают теленка.

15. Два остяка Галактион и Степан. Степан одет бабой. Оба танцуют и поют. «Баба» кормит «мужа», ищет у него в голове. Галактион начинает ласкать «бабу»... остяки подают ему реплики, Галактион быстро на них отвечает, очень удачно, повидимому. Общий хохот. Все вскакивает и прыгают.

16. Непонятая мною песня. Поет старик, потом ложится и как бы умирает.

17. Двое. Один изображает лошадь. Лошадь бесится, кидается во все стороны, тот еле удерживает: это приехал в нижние юрты русский из Сургута за рыбой и мехом. Угощает остяков водкой, те пьют, но говорят, что рыбы нет, белки нет, ничего нет. Под смех и шутки русский ни с чем возвращается обратно. Женщины особенно довольны и долго смеются.

18. Остяк Алексей изображает охоту, сначала едет в обласе, затем пешком, убивает из кремневого ружья зверей, тащит много добычи и уходит.

19. Тот же Алексей едет на лыжах, стреляет из лука белок, ложится спать: «егыли, чух егыли» (холодно, очень холодно), разводит огонь, греется, делает себе похлебку из муки, снова едет на охоту, встречает медведя и умирает (конец я плохо поняла).

20. Маска одета на лицо. Изображает каких-то птиц, поет, что вода высока...

21. Маска одета на лицо. Изображает тетерку—«люк». Летит прямо на меня, машет руками и бежит маленькими шажками, затем по юрте из стороны в сторону, становится на четвереньки, подходит к группе остяков и поет, о чем-то просит: ему отвечают: «мена, мена» (пошел, пошел). Опять на четвереньках ползет к другим и поет слова, а другой остяк, сидя, заносит над спиной его ногу; как только Федор кончает, Василий ногой ударяет его в спину, тот моментально падает. Все вскакивают, выаскивают его и прыгают. Не поняла этой песни: кто-то кого-то обманывает, вызывает на солнышко, заяц какой-то фигурнрует.

Очень разболелась голова от жары, духоты и массы впечатлений. Под конец совсем трудно стало записывать. «Отлипнем, отлипнем» (спать, спать),—говорит старик. В темноте еле добралась я до пустой, нежкопленной юрты, где приготовила себе постель и заснула, как убитая. К сожалению, мы приехали на последнюю—четвертую—ночь медвежьего праздника. На другой день на обласе я вернулась в «Маут-яуп-пугол».